

посвященные изображению человека в древнерусской литературе, в летописании в частности. Из числа этих исследований назову последние по времени: статью Д. С. Лихачева «Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века» (Труды ОДРА, VIII) и его же статью «Изображение людей в летописи XII—XIII веков» (Труды ОДРА, X). Появление такого типа работ можно только приветствовать, даже в том случае, если они и не во всех своих утверждениях бесспорны. Они — верный залог того, что мы когда-нибудь напишем историю древнерусской литературы, как историю словесного искусства.

Проблема творческого метода, рассматриваемая в широком историко-литературном аспекте, перерастает в проблему литературных направлений. Каждое новое литературное направление, возникая, сметает предшествующее, заявляет о своем существовании новыми эстетическими декларациями и манифестами, по мере своего развития охватывает постепенно все виды художественного творчества, производит новое перераспределение жанров, оттесняя одни и выдвигая другие, накладывает свою печать на литературный язык, на самый облик писателя. Каждое новое направление в литературе — это целый переворот в литературном развитии, катаклизм, потрясающий до основ все здание существующей литературной культуры. История литературы, рассматриваемая с точки зрения своей художественной формы, есть история литературных направлений, их становления, расцвета и упадка под напором новых тенденций исторического развития.

В истории ряда западноевропейских средневековых литератур, а также некоторых славянских (чешской, польской, сербо-хорватской) такой переворот имел место в XIV—XVI веках, где раньше, где несколько позже, когда на смену пережившему себя средневековой, с развитием городов и зарождением буржуазных общественных отношений, наступила эпоха Возрождения. Эпоха эта в ряде литератур была отмечена ярким оживлением литературной жизни, породила ряд выдающихся произведений мирового значения, вызвала новое философское осмысление мира, оказала влияние на быт, на жизнь в целом.

Возникает вопрос: переживала ли древнерусская литература переворот такого масштаба, аналогичный тому, какой имел место в западной Европе и в ряде славянских стран? У нас нет данных, которые давали бы нам право ответить на этот вопрос утвердительно. Отголоски Возрождения, правда, долетали до нас (возможно, они звучат в некоторых «еретических» концепциях XV—XVI веков, ими отмечены некоторые переводы XVI века), но отголоски и отзвуки еще не составляют литературного направления. Величественное и уже давно построенное здание древнерусской литературы не дрогнуло да и не могло дрогнуть под воздействием этих «западных» веяний: они были слишком незначительными и еще не находили должной опоры в самой жизни. И уж, конечно, не Федору Ивановичу Карпову, как-то наизусть процитировавшему «Метаморфозы» Овидия, суждено было расшатать это здание. До второй половины XVII века древнерусская литература в основном развивалась на базе старой литературной традиции — той самой, которая в XII веке породила гениальное «Слово о полку Игореве». Ни в XVI, ни в XVII веке древнерусская литература не выдвинула ни одного писателя — провозвестника идеалов Возрождения, равного по значению, допустим, Яну Кохановскому в Польше или автору «Османа» — Ивану Гундуличу в литературе сербо-хорватской (дубровницкой). В России, как и в ряде других восточнославянских стран, до второй половины XVII века, в течение длительного периода, шести с лишним веков, получил развитие тот тип литературной